УДК 130.2:159.954

Н. Н. Суворов

Наступление воображаемого: воображаемое как феномен культуры

Природа воображаемого рассматривается как феномен культуры и в его отношении к событию. При этом событие предстает в своей структуре и по-разному представляется. Исследуется природа субъективного как совокупность сил центростремительной и центробежной, и находятся особенности чувственного и ментального. Различные черты ментальных способностей определяются в их отношении к ценностям, целям и смыслам. Феномены провокации, чувственности и телесности выступают аттракторами ментальных способностей.

Ключевые слова: воображаемое, телесность, событие, ценность, цель, смысл, память, субъективное, центробежное, центростремительное, произведение искусства

Nikolay N. Suvorov

Offensive imaginary: imaginary as a cultural phenomenon

Imaginary nature is seen as a phenomenon of culture and its relation to the event. This event appears in the structure and different seems. The nature of the subjective as a set of forces centripetal and centrifugal, and are especially sensual and mental is investigated. Various features of the mental faculties are determined in their respect for the values, purposes and meanings. Phenomena provocation, sensuality and physicality are the attractor's mental abilities.

Keywords: imaginary, physicality, event, value, purpose, meaning, memory, subjective, centrifugal, centripetal, a work of art

Воображаемое, в силу своей неопределенности, не получило широкого распространения в науке и не рассматривается как феномен культуры. Между тем сфера виртуальной реальности, активно внедрившейся в сферу культурной коммуникации, создает основу для признания понятия воображаемого как ментальной реальности, существующей в процессе производства культуры и обращения ее продуктов.

Под воображаемым понимается ментальная конструкция, как имеющая, так и не имеющая отношение к объективному миру вещей. Пространство воображаемого составляется из образов реального и нереального миров, соединяя в своих конструкциях как следы жизненного опыта, так и отвлеченные фантазии. Несмотря на свою искусственную природу, воображаемое обладает реальностью произошедшего события и способно влиять на бытие и формировать новые события.

В данном контексте воображаемое рассматривается в связи с событиями культурного и художественного пространства. Природа воображаемого определяется в отношении к другим ментальным способностям и в подготовке реального события. Воображаемое есть результат активности воображения, но также и предмет направления его активности, на который воображение нацелено. Воображение и воображаемое находятся в отношении средства и цели.

Воображаемое и событие. Воображаемое связано со своим окружением в реальном и ментальном пространстве: с тем, что предшествует его появлению – событием, с тем, что сопровождает воображаемую реальность, является ее оправой и панорамой – воображаемым событием, и с тем, что следует за воображаемым, порождается им, проявляется в новой перегруппировке бытия – в новом событии. Событийность и воображаемое находятся в постоянном перекрестном обращении, поскольку «образ столь же реален, как любое другое сущее»[1]. Событие выстраивается в результате активности воображения, а воображение активизируется событием. Но также само бытие группируется в событие, имеющее своим продолжением воображаемое, способное подготавливать и порождать новое событие. Виртуальная реальность создает реальность виртуального. Перетекание бытия в воображаемое и воображаемого в бытие осуществляется при участии субъективного и, как следствие, – изменение самого субъективного. Субъективное пребывает в плавании между двух берегов. В этих процессах подтверждается извечная двойственность человеческой природы, выраженная в противоречивой и нестойкой связи духовного с материальным. Воображаемое – это просвет бытия, сотворенная субъективная реальность, состоящая из образов, фантомов, проектов, заполняющих менталь-

ное пространство. «Воображаемое есть немотивированное творение, существующее лишь в полагании образов и посредством его»[2]. Субъективное формирует из бытия и воображаемого собственный шлейф событий. Так оно способно акцентировать и собирать окружающую и воображаемую реальности.

Событие – объективная реальность, прямо или косвенно побуждает развернуться воображению и создать ментальное пространство бытия, воздействует на субъективное и социальное сознание. Оставить след в воображаемом пространстве субъективного – главная задача события. Событие возбуждает воображение. Событие формируется и определяется как событие в соединении бытийного и присутствия субъективного. Уже в самом событии есть доля субъективного. Между тем разворот и приближение к субъекту переводит событие в сферу воображаемого. Здесь оно раскрывается по-новому.

Событие и воображаемое создают друг друга. В случае первичности события воображаемое выступает как его след или эхо, развивая событийные импульсы. Эти процессы можно назвать «преображением», поскольку граница, отделяющая две различные природы, нарушается и возникает синтез различных сред, переход одного в другое, – преображение как переход бытия в образ, тела в дух, преломление вещественного в идеальное. Событие предполагает собственное осуществление в настоящем посредством воображаемого. Фиксация события во времени своим продолжением имеет перевод части содержания в сферу воображаемого, трансформация реального пространства и времени в ментальные формы. При этом аттракторами воображаемого могут становиться любые событийные секторы (начало, середина или конец события) или его фрагменты[3]. Таким образом, событие попадает в пластичную среду, изменяющую его жесткость, наполненную случайными флуктуациями. Новая среда меняет событийную пластику и оптику.

Рождение события – есть встреча субъекта и внешнего мира. Со-бытие – совместное бытие двух миров. Контекст творчества предполагает совмещение бытия художника и действительности. Фиксация в воображении реальности и превращение ее в событие духовного мира – мифологическое усвоение результатов наблюдения. Совмещение миров преобразует пространство и время, создает пространство и время события, которое, в свою очередь, выстраивается по логике цели. (Всегда можно пройти мимо события и его не заметить, если нет заинтересованности целью.) Способность воображения схватывает реальность исходя из целесообразности (И. Кант). Бесформенность бытия не предполагает события.

Событие – это не то, что происходит вокруг, но, по словам Ж. Делеза, «событие – это, что должно быть понято, на что направлена воля и что представлено в происходящем»[4]. Любое событие подразумевает момент собственного осуществления в настоящем, требует воплощения, но также у события есть история – прошлое и будущее. Для Ж. Делеза каждое событие подобно смерти, поскольку оно двойственно – оно здесь и сейчас, но также его нет, поскольку оно устремлено и тут же пропадает. Событие, как смерть, уносящая субъективное и сохраняющая навек на момент ухода. Вечная память как благое и неосуществимое пожелание.

Неопределенность возникающего события интригует, и корень интриги лежит в душе художника. Неопределенность как повод достичь определенности и задать толчок к началу нового события – зона интенции. Художник заряжен неопределенностью и стремится подчинить ее. Создавая произведение, он ограничивает неопределенность художественным высказыванием. Событие, происшествие перемещается в субъективное сознание, трансформируя его субъективность, ломая устойчивость, внося динамику. Событие становится точкой отсчета художественного образа, а в условиях интерактивности – социального мифа.

Развитие события – процесс проживания. Вхождение в поле рецепции, где возникающий интерес может быть результатом сродства, связанного с идентичностью или гомологией. Погружение одного мира в другой сопровождается обменом качеств: ценностей, значений, смыслов. Происходит переодевание одного мира в одежду другого. Если одежда не впору, то процесс проживания превращается в проблемную ситуацию, окрашенную сомнением и унынием. Проблемная ситуация, муки творчества стремятся к цели разрешения, но эти муки не всегда окрашиваются катарсисом, наслаждением от совпадения мечты и действительности. Муки часто оказываются бесплодными. Воображаемое неспособно найти выход из лабиринтов и тупиков ментального пространства. Оно становится вечным укором креативной неполноценности. Причиной может быть недостаток мастерства художника, обстоятельства творческого процесса, недостаточная настойчивость мастера.

Цель вырастает из предвидения, из забрасывания в будущее. Возможное и неопределенное выстраиваются в габитус предпочтений в форме повелительных зовов и соблазнов в пространстве зазоров свободы. Событийность соз-

дает веер возможных исходов, но эта свобода иллюзорна. Взгляд в прошлое, анализ события приносят субъекту сознание неизбежности случившегося, фатальности исхода. Событийная закономерность логично выстраивается в формулу культурного опыта, верификацию созданной мифологемы. Миф свободен, но неизбежен – в нем заложено тотальное перетекание в воображаемое. Неизбежность следствия предстает уроком, как полезным для последующих действий, так и бесполезным, поскольку событие всегда уникально и не повторяется. Сослагательное наклонение в истории: «если бы» лишь дразнит и ничему не учит. Это хорошо известно на многих примерах отечественной истории.

Конец события – микро-смерть субъекта, прожившего интервал жизни. Произошедшее остается в воображении не только как след события, но и как сборка новой перформативной ситуации. Таким образом, событие культуры становится темой исследования герменевтики и телеологии, расшифровкой текстов и чтением палимпсестов. Событие оборачивается своим будущим значением, скрытым пеленой времени, и его манифестация начинает мерцать уже в момент зарождения. В начале события возможно увидеть его конец. Событие дышит и пульсирует, преподносит загадку мгновения. Проживание оборачивается скольжением по поверхности. Его смысл осознается лишь в координатах иного событийного ряда. Игра возможностей лишь провоцирует свободу воли, ее изъявление в свободном направлении. Потенциальность смыслов создает иллюзию многообразия развития. Но эти возможности быстро ограничиваются целью, вариации отсекаются. Широта первичных медитаций собирается и концентрируется.

Целеполагание события культуры – как рыбацкая сеть, формирующая улов, выстраивает и организует деятельность рыбака. Подобно тому, как написание картины концентрирует в событийной точке живописного мазка всю предшествовавшую жизнь художника и превращает ее в событие искусства. Каждое произведение содержит в себе пирамиду предыдущих воплощений.

Телеологическое исследование события создает трехмерную диспозицию временного вектора. Ценностный аспект произведения искусства формируется не только целью творчества художника, но и последующего обращения (зритель, музей, коллекция, аукцион, галерея, бьеннале и т. д.). Хайдеггер в статье «Европейский нигилизм», рассматривая проблему соотношения ценности и цели, комментирует Ницше и утверждает: «Обесценивание ценностей и тем самым нигилизм состоят в том, что пропала цель. Поэтому существо ценности стоит во внутренней связи с существом цели»[5]. Цель оправдывает не только средство, но и создание новых ценностей. Так же и природа смысла находится в прямой корреляции с целью, поскольку смысл всегда есть направленность. Рождение смысла определяется толкованием, заданным целью. Именно цель и целеполагание, по мысли Хайдеггера, придают характер единства, понятого как всепронизывающее единение и упорядоченность. «Телос», цель, таким образом, выступает как причина возникновения вещей и человеческих стремлений.

Цель как вершина дерева, формирующего крону, ствол и корни. Для художника это очевидно, поскольку художник – не ботаник и не выращивает дерево из семечка, а формирует его сразу в готовом виде с корнями, стволом и листвой. Образ вырастает из замеченной, случайной и оригинальной детали.

Телеологическое рассмотрение события художественной культуры не было свойственно отечественной науке о культуре, поскольку формирующим основанием всегда была политика и идеология, выхваченные из временных обстоятельств. В то время как культурологическое исследование, подобно ризоме, схватывает событие в его непосредственном исполнении, собирая в пучок время и пространство, рассмотрение проблемы в веере складок. Мифология, ризомное видение события дополняют издержки научных толкований, препарирующих живое движение.

Телеология события становится аналогом рассмотрения культурных стратегий, но вовсе не их началом или причиной. События художественной культуры выступают простейшей матрицей общекультурного развития, подобно тому, как поступки человека определяют судьбу.

По мере приближения и касания сферы субъективного все события разделяются на социальные и индивидуальные. Встряска общества оставляет след в социальном воображаемом (А. Косториадис). Интимная жизнь погружена в субъектное воображаемое, имеющее не только количественные, но и качественные отличия, наделенное подробным и подвижным образным пространством. Между ними происходит постоянное перетекание смыслов, образов и ценностей. Так, вся мемуарная литература обращена к описанию воображаемого, вызванного чередой социальных событий. Мемуары – запечатленное субъективное воображаемое, оригинальный взгляд на события, фиксация неповторимого присутствия, осмысленного и вербализованного. Исторический анализ, ставящий задачу описания событий и их объективного осмысления[6], учитывает неточный характер мемуарных источ-

ников, их условную точку зрения. Вариативная природа исторических смыслов вырастает из случайного характера событий.

Структура события. Ход истории соединяет события, наделяет их внутренней логикой. События – линии сгибов, складки на поверхности, сжатия пространства, проблемные сгущения (Ж. Делез). События имеют корни в прошлом и последствия в будущем. Они различаются не только морфологически, типологически, но и темпорально – могут медлить и ускоряться, быть направлены на созидание и на разрушение – становиться этапами разрастания глобального события или началом разрушения неустойчивой целостности. Событием может быть случайная встреча, сохраненная в памяти, и длительный экономический кризис, охвативший общество. Они оставляют свой след в воображаемом. Постройка и разрушение, например, связаны с природой творчества как утверждения, так и отрицания (разрушения) общепринятой социальной матрицы (А. Кожев). Новая конструкция активно врезается в устойчивый корпус, внося существенные утраты. Установка на разрушение формируется в воображаемом как отказ от принятых ценностей, их переоценка и трансформация в новые ценности. Созидание и разрушение – относительные формы изменений. Процесс переоценки связан с воображаемым «взвешиванием» ценностей, их мысленным осмотром, сравниванием, воображаемой проверкой жизнеспособности. Ценности дрейфуют в воображаемом, трутся и обламываются как льдины. Типология событий определяется координатами пространства и темпоральностью. Воображаемые время и пространство обратимы, поскольку события в воображении могут переживаться вновь и вновь.

Что остается и что переводится? Очевидно, событие модифицируется в различных ракурсах видения и понимания, из событийного поля выделяется только часть, входящая в мир субъективного. В процессы освоения содержания включается некий «магнетизм», притягивающий в поле субъекта ценное и важное, помеченное как интересное и необходимое. Морфологические и структурные различия событий побуждают к акцентам смыслов. Так, победа футбольной команды приводит в восторг ее болельщиков, пробуждает интерес в некоторых социальных полях, но оставляет равнодушными остальных. Событие выбирает адептов и затягивает в свою орбиту. Сингулярная событийность ждет органичного отклика, созвучия субъективного. Событие ищет и находит себя в воображаемом. Многие события игнорируются, помечаются в поле субъекта как нежелательные, хотя их смыслы фиксируются. Так, многочисленные шоу-программы активно воздействуют на зрение и слух, но вызывают досаду и раздражение. Избирательное отношение связано с особенностями касания события («каким боком оно зацепило») и с фильтром восприятия, отсеивающим несущественную, вредную или ненужную информацию. «У всякого внутреннего пространства есть своя сила притяжения… блаженство – их неизменное состояние»[7]. Случайно найденная книга или аудиозапись могут превратиться в захватывающее событие, всплывающее в ментальном опыте, вызывая воспоминания и размышления,т. е. положительные эмоции сопровождают нужное, приятное и полезное, выделяют их и притягивают в орбиту субъективного существования.

Воображаемое и память. Мантия удовольствия обостряет работу воображения, наполняющего ментальное пространство созвучными образами, стремлением вновь пережить желанное событие. Напротив, негативное отношение, скепсис, разочарование вытесняют образы, фантазмы и ценности, переводят их на периферию ментального пространства (желание забыть) и впоследствии выталкивают из памяти. Возможно, они запоминаются, но с пометкой негатива. Память экономна и избирательна к хранению информации, но порой в ней вспыхивают нежелательные воспоминания, навязчивые образы прошлой жизни – угрызения совести, ошибки, которые не исправить, трагедии жизни и судьбы: война или революция. Спонтанное воображаемое становится пространством свободной памяти. Протоптанные тропы памяти направляют ментальный порыв, создают привычку воображать – вызывать в памяти и вновь переживать, видеть воображаемое как вновь осуществленное.

В ментальном пространстве сохраняются тайники прошлых находок, склады воспоминаний. Памятные архивы превращаются в строительный материал креативных построек. Память хранит, воображение создает. Память субъекта конгениальна исторической памяти, сохраняющей лишь часть культурных знаний. Бóльшая часть ускользает, случайно или закономерно вылетает за пределы притяжения интерсубъективного. Но то, что застревает в памятных архивах, как негатив, так и позитив, формирует опыт и входит в культурную и субъективную историю, составляет культурное наследие эпохи. Историческая наука в данном контексте предстает как запечатленная память, и в этом проявляется ее избирательность и неполнота, но также свобода и произвольность как отклонение от мейнстрима. Что остается и что отбрасывается? Археология знания (М. Фуко) откапывает в хранилищах

и слоях культуры древние нарративы, когда-то ставшие неактуальными и забытыми, но теперь драгоценные свидетельства опредмеченных артефактов воображаемого опыта.

Модель субъективного. Ментальное пространство субъективного можно представить как микрогалактику или планетарную систему, тогда возможно ввести для понимания происходящих в нем процессов две силы: центробежную и центростремительную. Субъективное выступает одновременно как центр притяжения и отталкивания, отбирая и включая в свой внутренний мир, внешнюю информацию, но также распространяя во внешний мир как вновь созданную, так и пережитую информацию. Планетарная модель субъективного, наделенная основными силами притяжения и отталкивания, выступает естественным продолжением универсальной модели Вселенной, состоящей из Галактик и планетарных систем – «великое в малом и малое в великом» (Лао-цзы). Наглядность планетарной модели ментального пространства не исключает ее условности. Между тем более понятными становятся процессы включения или отторжения ценностного, смыслового, эмоционального содержаний события. Субъективное становится предметом спектрального анализа[8]. Галактическая или планетарная модели субъективного эвристически полезны в нескольких планах: информация движется не прямо, а по касательной, по окружности, постепенно притягиваясь центром и осваиваясь, входя в атмосферу субъективного мира, частично сгорает в этой атмосфере при взаимодействии с устойчивым силовым полем субъекта – притягивающим или отталкивающим. Но в целом информация трансформируется и приспосабливается к «местным условиям», становясь частью ментального пространства. В данной модели раскрывается смысл «герменевтического круга», когда значение части становится ясным через целое, а целое разворачивается благодаря частям. Примером является восприятие произведений искусства, гармоничного соединения частей, становящегося фактом реальности воображаемого. Произведения искусства – чистые продукты воображения, «интенциональные объекты» (Р. Ингарден). Спиралеобразное движение внутри ментального пространства помогает рассмотреть мысленным взором, оценить, назвать и дать классификацию, расположить в архиве восприятия содержание воображаемых событий. Так, исследование произведений эпохи Возрождения сопровождается изучением повседневности и особенностей мышления творцов и заказчиков – это помогает понять феноменальную природу произведений, находящихся в атмосфере собственного создания. Воображаемое, закрепленное в произведении, разрастается благодаря множеству дополнительных достоверных черт и деталей, превращается в картины возможных миров, в захватывающие события, существующие в воображении, с определенными ментальными границами пространства и времени. Например, мемуары знаменитого скульптора итальянского Возрождения Бенвенуто Челлини раскрывают реальную атмосферу создания произведений и расширяют пространство воображаемых событий в культуре чинквеченто. Планета творческого субъекта как затягивает в себя, так и выталкивает в мир великие «множества» воображаемых реальностей.

Восприятие и воображаемое. Репрезентация события в воображаемом предстает как серия возможных миров, имеющих право на независимое представление. Вариативность восприятия расширяет диапазон свободного фантазирования. Серийность, повторяемость, копирование заложены в планетарной модели субъекта как архетипические черты, всплывающие из глубин подсознательного и переходящие на более ясные орбиты осознания. Нарративные интриги, истории по краям, швы и маргиналии пронизывают произведения искусства, создавая силовые поля смыслов. Освоение художественной информации идет по спирали, охватывающей все новые горизонты произведения, раскрывая его глубины. Воображаемые события закрепляются в сериях интерпретаций, активизируя центробежное вращение силовых полей, порождая реальные события, идущие от центра художественности. Широко известно влияние произведений искусств на поступки и судьбы. Воображаемые миры формируют реальные события жизни. Так, «Бесы» Достоевского спровоцировали в России волну самоубийств среди разочарованного студенчества 70-х гг. XIX столетия.

Планетарная модель ментального пространства позволяет представить быстрый захват нового знания или жизненного впечатления, которое, подобно метеориту, вторгается в атмосферу субъективного мира, берет врасплох, прошивая насквозь фильтры сопротивления и недоверия, но достигает «поверхности» и становится в результате органичным включением в систему субъективного. Событие – «вдруг» (Ж. Делез) между прошлым и будущим. Очевидно, такое резкое вторжение может вызвать шок, как неожиданная и яркая встреча, сокращающая постепенность знакомства. Она закрепляется как последовательное центростремительное прохождение в сокровенный мир. Из такой встречи вырастает воображаемое событие, по-

буждающее к перестановке акцентов и, возможно, к радикальному пересмотру позиций. Результатом является инсайт, взрыв в пространстве субъективного, ответ на вторжение инородного «тела». Интеллектуальное прозрение движется к новым горизонтам ментального видения, к очередному «открытию истины». Интуитивное озарение происходит вследствие дополнительной информации, как переход в новое качество, неожиданное для субъективного сознания. Такого рода инсайт сопровождается эмоциональным страхом/восторгом – встречей с неизвестным, приносящим разочарование или наслаждение. Переоценка ценностей, пересмотр позиций, переосмысление концептов становятся результатом пересечения с реальным или воображаемым событием, возможно, встречей с «человеком-событием». Так, случайная встреча В. Маяковского с Д. Бурлюком перевернула ценностный и смысловой мир начинающего поэта.

Галактика субъективного предстает в сложной совокупности планетарных сгустков, которые можно представить как знания, ценности, фантомы, концепты, усвоенные или сочиненные мифы – все содержание воображаемого, не аморфного, единообразного и рядоположного, но структурно разделенного, вращающегося по своим орбитам в силовом поле субъективного. Природа события также может быть рассмотрена как планетарная модель. Вокруг точки сборки событийного пространства вращаются бытийное и воображаемое.

Воображаемое желание события. Как предчувствие или преддверие события, воображаемое может быть пронизано желанием события. Как будто событие притягивается, делаются шаги ему навстречу – событие приближается активностью воображения. Событие выстраивается в воображаемом, обретает подвижность и воздушность. Воображаемое конкретизирует, развивает и дополняет смыслы, заложенные в бытии. Оно навязчиво влияет на галактику субъективного, изменяет скорость и силу центробежного и центростремительного полей. Воплощение в реальность мало изменяет воображаемое событие, всегда отличное от своего опредмеченного «двойника». Воображаемое зависает как фантазия или мечта. Превращается в статику, манящую своей недостижимостью. Так, идея или замысел художника всегда отличны от созданного произведения, дразнят творца своим несовершенством. Замысел навсегда остается воображаемым идеалом как недостигнутая цель. Если реальность молчит, не отвечает призывам воображения, то она подменяется фантомом, построенным как иллюзия реальных процессов. Воображаемый мир стремится стать реальностью. «Воображение недовольное реальностью, алчет вымыслов» (А. Бестужев-Марлинский). Создается воображаемое событие, которое может иметь следующие характеристики: фантом становится реальным бытием, соединением с субъективным предстоянием. Мимикрия воображаемого, размывание границ меняет траекторию реальности, превращает ее в причудливую смесь реальности и фантазии, из которой не всегда возможно выбраться. Порой фантастическое навсегда покидает реальность, и в результате появляется твердое субъективное убеждение, что «земля налетит на небесную ось!!» (М. Булгаков «Собачье сердце»). Воображаемое выстраивает реальность на свой манер, ломая привычные конструкции опыта.

Иррациональность воображаемого. Чтобы войти в пространство воображаемого, нужно преодолеть некоторую долю абсурдности, поскольку в фантомах нет привычной достоверности логики. Воображаемое движется парадоксально. Здесь нет устойчивой причинно-следственной связи, но господствует принцип: «если бы», основанный на свободном, вариативном предположении. Ассоциации воображения произвольно деформируют привычную картину мира, ломают стереотипы представлений, становясь игрой возможностей. «Всякое воображаемое появляется „на фоне мира", и наоборот, всякое схватывание реального в качестве мира подразумевает скрытую возможность превзойти его в направлении к воображаемому»[9]. Следовательно, образному сознанию свойственно удерживать небытие как воображаемое, но также оно стремится обратить воображаемое в бытие.

Воображаемое склонно к карнавализации реальности, внося в нее амбивалентность смыслов, образов и ценностей. Образы-перевертыши всегда странны, но эвристически полезны, хотя характеристика – «мечтатель» – становится диагнозом. Воображаемое изменяет реальность, становясь гиперреальностью. Реальность корректирует гиперреальность, равно как и наоборот. Подвижность фантазий, вымышленность воображаемого придают своим продуктам практическую сомнительность, уводят субъективное в область грез и мечтаний. Чтобы быть достоверными, проекты воображения проверяются строгим анализом, верифицируются к непосредственному опыту. Между тем рациональный анализ осуществляет лишь «срез» реальности, условно остановив естественное движение, поэтому его выводы верны относительно данной остановки, в то время как воображаемое так же подвижно, как сама реальность, и отражает парадоксы ее непостижимого развития. Парадокс и абсурд оказываются ближе к реальному

бытию, чем строгая логика. Парадоксальность воображаемого – это не практическая логика (П. Бурдье), но попытка создания металогики, имеющей отношение к логике «возможных миров». Фантастичность воображаемых предположений имеет отношение к критерию истинности «сумасшедших теорий» в современной физике.

Наблюдение и воображаемое. Воображение движется противоположно наблюдению. Наблюдение определяется объектом – с объектом наблюдения исчезает и наблюдатель (М. Генделев). Но внутренний взор видит иначе, чем глаз. В нем всегда есть избыточность образов, раздвигающих психологическое пространство, втягивая в свою орбиту ценности и мечты. Частичная детализация воображаемого создает иллюзию «квази-наблюдения». Действительно, можно воображать вполне конкретные черты предметов, но природа воображаемой реальности совершенно иная. В своей психопоэтике Е. Эткинд проводит различие: внутренний человек и внешний человек. «Внутренний Универсум» обладает собственной бесконечностью, он соприкасается с бесконечностью бытия[10], в то время как внешний, явленный человек конечен как все его окружение. Воображаемое и телесное взаимообратимы – они обмениваются энергиями. Наблюдение корректируется воображаемым, равно как и воображаемое меняет свое содержание под воздействием наблюдения. Так, созерцание произведения определяется образной сферой, вызванной созерцанием, входящим в бесконечные взаимодействия с воображаемым пространством. Созерцание определяется воображаемым.

Телесность и воображаемое. Полет воображаемого в бесконечность осуществляется при помощи селекции телесности, именно поэтому полет возможен, но конечен. Воображаемое событие телесно очерчено, оперирует телами. Ментальное завязано на действиях с геометрией тел и движется по силовым векторам в соответствии с телесной природой. Телесное становится выражением воображаемого – метит ментальное пространство следами своего пребывания. Воображаемые телесные касания провоцируют интриги и драмы, становятся началом событий с непременным участием тел. Противоречивое единство объяснимо движением воображаемого по поверхностям, полетом над ментальным ландшафтом. Углубление воображаемого переводит его на новый уровень сущности – взлетает и ныряет. «Глубина и плоскость нуждаются друг в друге»[11]. Корни пускаются в другую поверхность, находя глубину. Под одеждой оголяется кожа, над головой появляется крона. Воображаемое и телесное сосуществуют в складке, на границах двух сред, переходящих друг в друга. Опыт отношений тел предстает в снятом виде как вереница запечатленных образов. Тело – существенная подсказка и указка для деятельности воображения.

Воображаемое и вербальное, плюрализм воображаемого. В воображаемом отсутствует корректность мыслительных процессов, что заставляет рассматривать его продукты как излишне вариативные. Интенсивная эмоциональная окраска, как правило, не сопровождает мыслительную модель или конструкт. Если абстрактное мышление ставит своей целью объективное рассмотрение проблемной ситуации, минимизирует субъективность оценочных суждений и вербализует свои процессы и продукты, то воображаемое, в отличие от концепта, не стремится к вербальному закреплению: всякое обозначение словом мгновенно преодолевается, переходя на иной уровень воображаемого. Слова «бегут» в ментальном пространстве, стремясь остановить движение образов, фиксируют координаты определения смыслов. «Ментальное представление может иметь иконическую (образ) или вербальную (слово) структуру»[12]. Язык высказывания влияет на содержание мысли. Слова ведут мышление, создают смысловое наполнение (А. Грякалов). Так, «интонированное высказывание» (М. Каган) направляет воображаемое вербальное содержание своими интонациями. Но слова не успевают за полетом воображения, не ставящего целью быстро формулировать (оформлять в слова) свои фантомы. Воображаемое обходится без слов, и порой становится «воображением без образов» (Г. Башляр). Многие художественные образы по своей природе вообще не поддаются вербализации, с трудом фиксируются как нечто определенное, например, образы абстрактной живописи или музыкального искусства. Имеют множество интерпретаций и прочтений. Их сфера вполне самодостаточна в природном многообразии. Впрочем, сфера вербального так же неодномерна, существует в своих пространствах. «Слова… не что иное, как маленькие домики, у которых есть погреб и чердак»[13]. Слова и их комбинации создают условную платформу для взлетов воображаемого.

Воображаемое как невыразимое, как ментальная тактильность, ощупывающая неизвестное и неопределенное, улавливание по легким вибрациям далекого целого. Его активность стимулируется нелинейными динамиками, скачками, зигзагами и произвольными флуктуациями. Блуждание, номадизм, «природное чутье» определяют поисковые пути вообража-

емого. Возможно, образ являлся первичным в первобытной интеллектуальной деятельности. Вначале появился образ, а потом – слово. Образ как первичное свидетельство. Лишь позднее «душа обстроилась словами» (В. Набоков). Воображение – более древняя интеллектуальная способность, чем мышление. Косвенным доказательством его первенства являются ментальные особенности ребенка, живущего в мире образного и воображаемого.

Мышление и воображаемое. Мышление ограничивает и структурирует, чтобы формулировать, в то время как воображаемое выходит за границы ближнего мира, к пределам мира, отмеченного знаком бесконечности. Если мышление собирает и синтезирует информацию, то воображаемое имеет тенденцию к постоянному расширению объема. В исследованиях воображения отмечаются аттракторы этой способности: от конкретного и предметного видения бытия к «расширенному смотрению» (М. Матюшин) ментального ландшафта. Тем самым, отдаляясь от телесного центра, воображаемое вступает в сферу неопределенного, которое не может вербально идентифицироваться. Неопределенное бытие наполнено множеством потенций номадического движения. Неопределенному явлению следует давать много наименований, чтобы пунктирно обозначить его смысловые границы. В связи с этим Г. Башляр полагает: «Сделать внутреннее конкретным, а внешнее обширным – вот, по-видимому, первейшие задачи, самые насущные проблемы антропологии воображения»[14]. Это и есть выражение центростремительных и центробежных сил, формирующих воображаемое.

Социальное воображаемое. Воображаемое событие существует в пространстве субъективного, но также социального, группового. «Социальное воображаемое есть нечто непостижимое как произведение или продукт деятельности одного индивида или массы индивидов (где индивид – это социальный институт), не выводимое из психической организации как таковой, существующее самой по себе»[15]. Опыт воображаемого – устойчивая совокупность координат ментального пространства. Факты воображения становятся вполне реальными явлениями культуры, существуя в форме иллюзий[16]. По сути, все художественное творчество выступает процессом опредмечивания воображаемого. При определенных условиях воображаемое мифологизируется.

Броски воображения. Эпикур в письме к Геродоту упоминает свойства «бросков мысли», уводящих от чувственных данных материального мира и точных свидетельств ощущений в условный мир сомнительных представлений. «Броски мысли» порождают иллюзии, они не проверены чувственным опытом, и их следует подчинять практическим задачам. Между тем броски воображения как раз и создают пространство воображаемого, становящегося внешней средой пребывания ментального. Броски воображения, как лассо, преодолевают сегменты неизвестного и расширяют пространство досягаемости. Лассо воображения захватывают цели образного рассмотрения, притягивая их достижимость и осуществляя освоение. Продуктивность бросков зависит от ассоциативной гибкости, способности менять направление и зоркости воображаемого видения. По-видимому, броски воображения сформировались еще в первобытной культуре в результате практики метания в цель камня или копья.

Провокации воображаемого. Независимая природа воображаемого становится причиной произвольных ментальных флуктуаций, фантастичность и непредвиденность которых дает основание квалифицировать их как свободные фантомы. Существование таких фантомов подтверждается устойчивыми культурными повествованиями и корпусом произведений искусства. Одним из подтверждений является устойчивость сюжета: «Искушение Св. Антония». Св. Антоний (251–256) – христианский святой, родом из Верхнего Египта, ставший основателем монашеского отшельничества, роздал свое имущество и удалился в пустыню, где подвергался духовным искушениям. Ему являлись видения: демоны, бесы, чудовища, страшные звери, обнаженные женщины. Образы искушения отвлекали отшельника от сосредоточенных медитаций. Св. Антоний отгонял навязчивые видения молитвой, Распятием и крестным знамением, но также постом и постоянной работой.

Европейские художники обращались к сюжету искушения на протяжении тысячелетия. Известны шедевры Шонгауэра, Босха, Кранаха, Дюрера, Мемлинга, Грюневальда, Брейгеля. Особенно интенсивно сюжет разрабатывался в конце XIX – начале XX в. К этой теме обращались Сезанн, Эрнст, Дали и многие другие художники. Искушения Св. Антония можно трактовать как провокации воображаемого, проявление его независимой свободы. Воображаемое преследует субъекта, произвольно прорастает в виде фантастических картин реальности, создает возможность проявить себя в полной мере чувственным существом. Страх перед искушением воображаемого не всегда телесного происхождения. Очевидно, что чудовища и монстры являют себя как иносказание запретного знания – вспышек нетерпения и

ярости, излишнего любопытства, сомнений и неудобных вопросов, выходящих за пределы допустимого в жизни и в христианской вере. Провокации воображаемого обретают образы злобы, ненависти, гордыни, лености, лжи, многословия, увлечение иллюзиями: «Ежедневно умирай, чтобы жить вечно». Дошедшие изречения Св. Антония повествуют об искушениях органов чувств: слуховых, зрительных, но также – искушениях вербальных. Воображаемые видения являются в звучаниях, видениях и смыслах, уводя отшельника в сферу соблазнительных фантазий. Между тем, по словам Св. Антония, искушения становятся обязательной процедурой спасения. По мысли отшельника в рай не попадут те, кто не подвергался искушению: «Отними искушение – и никто не обретет спасения!». Поэтому искушения – любезные послания избранным: «Радуйся искушениям, допущенным тебе!». Борьба с провокациями воображаемого превращается в обязательное условие достижения истинного смысла и проникнута идеей сподвижничества Христовым страданиям – через сомнение обретается вера. Лассо воображения ловит и затягивает самого субъекта. Провокации пленяют – нужно ли им сопротивляться – предпочесть блаженное пленение воображаемыми соблазнами вечному блаженству? Особое место в провокациях воображаемого занимает эротика как постоянный зов тела/пола. Магнит эротического изменяет геометрию воображаемого, усиливает изначальную подвижность поля. В произведениях, посвященных искушению Св. Антония, образы соблазнительных блудниц изображены ярче и достовернее всей остальной нечисти, слишком искусственной, чтобы ее бояться. Художники понимали и выделяли силу искушений, ставя наряду с сомнительными страшилками действительно соблазнительные видения порочных красавиц. Думается, что воображаемое эротическое не сводимо к чисто телесному, но имеет сложную природу акцентов субъективного. Воображаемое эротическое существенно меняет интеллектуальное поле и становится аттрактором ментальной провокации.

Таким образом, воображаемое синтезирует все душевные способности, сопровождает любую деятельность интеллекта, придавая ей необходимую наглядность и гибкость. Воображаемая реальность всегда субъективна, но это не означает ее дискретности. Она передается через произведения искусства и артефакты культуры, развивая свое поле и приобщая субъективное к социуму. Подобно коллективному бессознательному существует коллективное воображаемое. Возможно, его влияние значительно больше, чем принято считать.

Примечания

[1] Сартр Ж.-П. Воображаемое: феноменологическая психология воображения. СПб., 2002. С. 296.

[2] Касториадис К. Воображаемое устройство общества. М., 2003. С. 134.

[3] Суворов Н. Н. Событие в пространстве искусства // Герменевтика игры: поиски смысла в философии, теории культуры и музыкальной эстетике. СПб., 2014. С. 277–279.

[4] Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. Theatrum philosophicum. Екатеринбург, 1998. С. 199.

[5] Хайдеггер М. Время и бытие: ст. и выступления. СПб., 2007. С. 97–98.

[6] Алексеев А. С. Всемирные хроники: от первых фараонов до Конфуция и Сократа. 2-е изд. М., 2007. С. 9–39.

[7] Башляр Г. Поэтика пространства. М., 2014. С. 51.

[8] Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 135.

[9] Сартр Ж.-П. Указ. соч. С. 308.

[10] Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: ст. и исслед. СПб., 2005. С. 22.

[11] Грякалов А. А. Письмо и событие: эстетическая топография современности. СПб., 2004. С. 182.

[12] Хайдеггер М. Указ. соч. С. 90.

[13] Башляр Г. Указ. соч. С. 222.

[14] Там же. С. 310.

[15] Касториадис К. Указ. соч. С. 134.

[16] Плютто П. А. Исследование реальности социокультурного виртуального: опыт анализа социокультурных иллюзий. М., 2014.